

Непогребенные мертвецы (О « Перевале» и перевальцах)

[Комсомольская правда, № 56 (1444), 8 марта 1930. С. 3-4]

« Недостаточно строить хороший дом, – надо еще знать, для кого строишь, а иначе не будет любви к самому делу». Под этим девизом идет сейчас лучшая часть советской интеллигенции, принимая социалистическое строительство, органически включаясь в борьбу за социализм. Под этим же девизом проходит эволюция творчества и многих попутчиков.

Ряды попутчиков не представляют собой единства. Попутчики разбрелись. Часть попутчиков отошла в сторону от революции (Пильняк, Замятин, частично Вс. Иванов и др.), другая часть попутчиков (Огнев, Маяковский и др.) усиленно ищет путей органического слияния с революцией.

Ничего общего с этим не имеют перевальцы. « Перевал» остался в стороне от тех сдвигов, которые сейчас происходят среди интеллигенции вообще и писательской массы в частности. Не подлежит никакому сомнению, что « Перевал», содружество писателей революции, организованное в 1924 г. в Москве при журнале « Красная новь», в настоящий момент – одна из самых реакционных писательских организаций, творчество которой непосредственно опирается: в деревне, – на ее **экономическую верхушку**, сейчас ликвидируемую как класс – **кулачество** (Зарудин, Дружинин и др.); в городе – на самые **различные слои новой буржуазии** (Н. Смирнов, Тарусский и др.).

Сейчас нет ничего в нашей современной литературе « невинной», « общечеловечной», « гуманной» перевальской литературы. Почитайте антологию « Перевальцы» или 7 номер альманаха « Ровесники». Сколько в них этой самой « общечеловечности», « художественной правды» и « гуманности». Но за этими хорошими вещами вскрывается подлинный « Перевал», для которого характерно стоять в стороне от политико-экономической жизни страны, уход в мир грез, в мир « искусства для искусства», в незабываемое прекрасное прошлое.

Брежжет стон петуший. Дорогое,
Невозвратное, далекое – прости!
Только б жить, **встречать опять родное**
Это счастье милое, простое,
Этот стон в предутреннем пути.

В чем же смысл этих настроений, так характерных для « Перевала»? В том, что их творчество есть **своеобразная форма протеста против социалистического строительства**, протест тех общественных групп, реакционные стремления которых художественно выражают перевальцы в своем творчестве.

Им нет никакого дела до тех гигантских успехов, которые проделало **социалистическое строительство**. Нет дела потому, что для « Перевала» не пролетарская революция является органически своей, а **тот мир, который в корне уничтожает революция**. Не случайно наша злободневность – социалистическое соревнование, сбор утильсырья, сплошная коллективизация деревни и т. д. – для искусства, как его понимают перевальцы, – непригодный материал.

Характерно, что это явно реакционное отношение к социалистической революции со стороны искусства нашла себе оправдание в работах перевальских теоретиков. Воронский, который неотделим от « Перевала», его идейный руководитель не только в былое время, но и сейчас, сумел подвести под социальную устремленность перевальцев явно враждебные резолюции, теоретические обоснования. Пытаясь быть « ортодоксальным» марксистом, Воронский недвусмысленно писал, что « Настоящее революционное пролетарское искусство не в том, чтобы выкрикивать очередные злободневные лозунги, не в описании бравых комсомольцев, шагающих гордым шагом, не в фотографических карточках заседаний, где самоотверженные наркомы и заведующие « разрываются на части» и **гибнут у письменного стола**, и не в хитроумных обманах Главлита, редактора, – а в том, чтобы дать почувствовать читателю, что в основе произведения лежит действительно **новая, действительно революционная (?), эмоциональная доминанта (?), новый материал, новое открытие**»¹). Курсив

1. Воронский. « Искусство видеть мир», стр. 104.

мой – М. Г.).

Правда, тут еще нет ничего опасного. Воронский только ставит под сомнение правильное утверждение Плеханова, « что есть эпохи, когда не только критика, но и **само художественное творчество** бывает полно публицистического духа» ²⁾ (курсив Плеханова – М. Г.), и что оно – все же искусство и имеет право на существование. Здесь Воронский очень осторожно производит ревизию марксизма по « социальному заказу» своей армии, расположившейся на « перевале». Армия ждет от полководца команды, ждет сигнала, когда выступить.

Как же выступает эта армия, как воплощаются в жизнь слова учителя о новом революционном искусстве, как преломляется на практике теория Воронского о « живом человеке», « эмоциональном искусстве», искусстве, разливающим перед человеком « всю сложную гамму слитных и ясных чувств, настроений, мыслей»? Лучше всего об этом говорят антология « Перевальцы» и альманах № 7 « Ровесники».

Художественная правда, исходящая из уст людей, организовавшихся под знаком «борьбы во имя освобождения всего человечества» – весьма горькая правда.

Напрасно читатель будет искать там людей нашего времени, тех людей, с которыми ему приходилось и приходится сталкиваться в своей повседневной работе. Образы современности у перевальцев – это люди, далекие от нашей эпохи, « люди не от мира сего». Из 17 рассказов, помещенных в антологию, 11 « жестоких рассказов», закованных в « железный круг», – о лосях, волках, бабе-яге, шаманатах и т. д. Леонид Завадовский на протяжении 17 страниц старательно показывает читателю жизнь самки-волчицы, с человеческой (опять в широком смысле этого слова, сиречь и перевальском) чуткостью писатель подходит к своей теме, с необыкновенным волнением старается проследить жизнь матери, вечно беспокоящейся за своих детей. Рассказ лирический. Автор подолгу останавливается на природе, передавая с большим мастерством тишину лесных опушек и шелест падающих сухих, обреченных на гибель листьев. « Наступил сентябрь. Листва на берегах горела оранжевым тихим огнем. В теплых лучах грустного солнца боярышник и осина обрызгались кровью. Паутина садилась на травы и кусты, перевивая их блистающей сталью. Стояла тишина: с шелестом падал сухой, умерший лист на потемневшую траву» ³⁾.

Чистым пейзажам отводят перевальцы и в стихах и в прозе почетное место, не говоря уже о том, что десятки вещей – « сплошные пейзажи».

Сухие опавшие листья
По склону оврага шуршат.
Как шкура огромная лисья,
Осеннего леса парад.
Поникшие грозди рябины
И ветра пронзительный свист,
Качнется верхушка осины,
Закружится сорванный лист.

Голые пейзажи, « мирная» тематика, эстетизация прошлого для « Перевала» вполне закономерны потому, что творчеством Глинки « Перевал» непосредственно смыкается с дворянской литературой, как творчеством Зарудина, Дружинина – с творчеством Есенина. Клычкова, Клюева – певцами кулацкой деревни, как творчеством Смирнова, Тарусского – с буржуазной литературой. Десятки стихов о бабушках, стужах, уездных вечерах, жизни поэта, поэмы о древности, в которой « образ птицы проходит... – пишет Лежнев – не просто как символ, но и как видение мира, древнего, лесного, первобытного мира», десятки рассказов о бабе-яге, шаманатах и т. д.

2. Плеханов. Собр. соч., т. XIV, стр. 193.

3. Антология « Перевальцы», стр. 67.

О, неистовый, необыкновенно пронизательный и « ортодоксальный» теоретик тов. Воронский! Наконец, вы имеете право самодовольно любоваться « революционным» искусством, намечая пути развития которого, вы призывали художников « отгонять рассудок». « Отвлеченное – смерть для искусства». – писали вы. – « Мир художника – мир телесный. Он – весь в запахах, в цветах, в красках, в осязаемом, в звуках. И чем больше удастся художнику отдаться силе своих **непосредственных восприятий, тем меньше он вносит поправок от общих, абстрактных, рассудочных категорий,** тем конкретнее и самобытней он изображает этот мир»⁴⁾ (курсив мой – М. Г.).

Как учит Воронский, боясь осмыслить жизнь, поэт Глинки создает образ художника-поэта, к эмоциям которого не « примешаются деловые, практические соображения» и « расчетливость – худший враг чувства прекрасного.

ПОЭТ.

Мечталось в детстве сладко, робко
Перо царапало листки,
И в сердце – маленькой коробке –
Стихов хранились лепестки.
А годы шли, и сердце стало
Расти все больше, скоро в нем
Любовью первой трепетала
Тетрадь, разбухшая цветком.
Жилось легко, жилось беспечно,
И новые пришли мечты.
Копились в ящике сердечном
Стихов бумажные цветы.
И незаметно как-то старость
Взглянула зеркалом. Потом
Пришла осенняя усталость,
Дрожали руки над листом.
И вот, с седыми волосами,
Я – старый, сгорбленный чужак.
А сердце, как большой, стихами
Набитый доверху, чердак.

На что способен этот « лепестковый перл», созданный по рецепту Воронского? Он способен только сказать сгорающим энтузиазмом миллионам строителей, ударными темпами строящим новые заводы, новую жизнь:

Уйдите прочь! Какое дело
Поэту мирному до вас?

Образ поэта, нарисованный Глинкой, вовсе не случаен для перевальцев и ничуть не противоречит теории искусства Воронского. Наоборот, для перевальцев он органический образ, как органическим он является и для теории искусства Воронского, которая выражает взгляды антисоветской стихии на литературу. Не случайно Воронский утверждает, что «**истинное искусство начинается там, где явление и люди живут своей независимой от художника жизнью,** являются прекрасными безотносительно к тому, **как к ним он относится**»⁵⁾ (курсив мой – М. Г.).

4. Воронский. « Искусство видеть мир», стр. 95.

5. Воронский. « Искусство видеть мир», стр. 88.

Для Воронского искусство, – это стихия, регулировать которую бессмысленно, ибо это вредная работа. Художник – не рационалист, не практик: он – певец, поющий только тогда, когда на него нисходит «творческое осенение»⁶⁾.

Необходим **крепкий большевистский удар по реакционнейшей литературной** группировке, которая, несмотря ни на что, остается верной самой себе. «**Мы не раскаиваемся в том, что мы делали, –** пишет Лежнев, **– и нам нечего брать назад»**⁷⁾. Ниже – еще уверенней: «литературные бои **не закончены**, и мы первые будем вести **и продолжать их»**⁸⁾. (Курсив мой – М. Г.).

Объединенные «одними целями, общей философией», они еще готовятся выступить против (как вы думаете, кого?) пролетарской диктатуры, против РАПП, который, по их словам, перехватывает их идеи: о живом человеке, об образах своего времени и т. д.

О чем сигнализирует все это? О том, что перевальцы, несмотря на упорное требование социалистической революции от всех попутчиков пересмотра своего идеологического багажа, переоценки своих творческих позиций, **ничего не делают в этом направлении**. Наоборот, в противовес всем литературным группировкам, признающим вредность своих позиций реконструктивного периода социалистической революции (смотри заявление конструктивистов из первой московской областной конференции АПП), перевальцы **упорно отстаивают** свои прежние творческие позиции, упорно наводняют книжный рынок аполитично-нейтральной, а на деле сугубо-вредной продукцией.

Удар по «Перевалу» и перевальцам сейчас необходим. Необходимо вдвойне потому, что перевальцы после продолжительного затишья вновь зашевелились. В основном мертвецы для **революции** (правда, в «Перевале» есть группа писателей, которая только организационно связана с «Перевалом», например, Малышкин, Иван Катаев и др.), перевальцы начинают разворачивать свою работу. «Перевал» организует в начале марта поездку ряда писателей, – пишет «Литературная Газета» (№ 9 от 9 марта 1930 г.), – в Брянск для проведения литературных вечеров; и даже «в ближайшем будущем при клубе ФОСП открывается литературная консультация «Перевала» для начинающих писателей».

Чему хотят учить начинающих перевальцы – проповедники «христианства», «чистых образов» и т. д.?

Тому, что они делают сами, т.-е. петь песни о далеком невозвратном, славить все, **только не социалистическую революцию**, учить вместе с пушкинским Сальери, «что искусству не нужны мертвецы».

Да, но если искусству не нужны мертвецы, под чем подписывается двумя руками Лежнев, **то почему они нужны социалистической революции?** Почему они не погребены, а продолжают на протяжении ряда лет интенсивно разлагаться, отравляя революционный воздух эпохи махрово-реакционным, пошлым, мещанско-обывательским зловонием?

М. ГРЕБЕННИКОВ.

6. Там же, стр. 86.

7. Альманах «Ровесники», № 7, пред., стр. 6.

8. Там же, стр. 10.